Веселый нрав

Отец оставил мне лучшее наследство — свои веселый нрав. А кто был мой отец? Ну, это к делу не относится! Довольно сказать, что он был живой весельчак, кругл и толст — словом, и душа и тело его были в разладе с его должностью. Да какую же он занимал должность, какое положение в обществе? Э, в том-то и дело, напиши или напечатай я это в самом начале, многие, пожалуй, отложили бы книжку в сторону: дескать это не по нашей части! И, однако, мой отец не был ни палачом, ни заплечных дел мастером; напротив, по своей должности он часто занимал место во главе почетнейших лиц города! Место это было его по праву, и вот ему приходилось быть впереди всех — даже впереди епископа и самих принцев крови: он восседал на козлах погребальной колесницы!

Ну, теперь все сказано! Я могу только прибавить, что, глядя на моего отца, восседающего на колеснице смерти, укутанного в длинный широкий черный плащ, в обшитой черными каймами треуголке на голове, глядя на его веселое круглое, как солнце, смеющееся лицо, никому и в голову не шли скорбные мысли о смерти и похоронах. Лицо моего отца так и говорило: «Пустяки, все обойдется лучше, чем думают!»

Так вот от него-то я и унаследовал свой веселый нрав и привычку посещать кладбище — это очень приятная прогулка, если только предпринимаешь ее в хорошем расположении духа. Кроме того, я тоже выписываю «Листок объявлений», как и мой покойный отец.

Я уже не очень молод, у меня нет ни жены, ни детей, ни библиотеки, но, как сказано, я выписываю «Листок объявлений» — и будет с меня! По-моему, это самая лучшая газета; то же говорил и покойный отец. «Листок» приносит свою пользу: дает все нужные человеку сведения; из него узнаешь, кто проповедует с церковных кафедр, и кто — со страниц новых книг, где можно найти себе помещение, прислугу и где приобрести одежду, пищу, где открывается распродажа и где будут похороны; тут же знакомишься с положением благотворительности и с невинными стишками, узнаешь, кто желает вступить в законный брак, кто назначает или отвергает свидания! Тут вообще все так просто и естественно! И, по-моему, можно счастливо прожить весь свои век до самой смерти, довольствуясь одним «Листком объявлений», а к тому времени так разбогатеешь бумагою, что можно будет устроить себе из нее мягкую подстилку в гроб, если не любишь лежать на стружках!

Да, «Листок объявлений» и кладбище — вот два моих любимейших места духовных и физических экскурсий, два самых благодатных средства поддержания веселого нрава.

В редакцию «Листка» каждый может отправиться сам, без провожатого, но на кладбище пусть идет со мною! Пойдемте-ка туда в ясный солнечный день, когда деревья уже все покрыты зеленью, и погуляем между могилами! Каждая могила — своего рода закрытая книга; она лежит корешком кверху, так что всякий может прочесть ее заглавие, говорящее о ее содержании и в то же время ничего не говорящее! У меня же имеются более обстоятельные сведения, которые отчасти перешли ко мне от отца, отчасти собраны мною лично. Надо вам знать, что я веду особую могильную книгу, и мне от нее столько же пользы, сколько удовольствия. В нее занесены все эти могилы, да и еще кое-какие!

Ну вот мы и на кладбище.

Вот тут за выкрашенною белою краскою оградой, где рос когда-то розовый куст (теперь его нет больше, и только плющ с соседней могилы пробирается сюда, желая хоть немножко скрасить и чужую могилу), покоится глубоко несчастный человек, хотя при жизни-то он, как говорят, и пользовался полным благополучием, имел все, что нужно, и даже кое-что лишнее. Вся беда его была в том, что он уж слишком близко принимал к сердцу весь свет, главным же образом искусство. Сидит, бывало, вечером в театре; тут-то бы ему и наслаждаться от всей души, так нет, куда! То зачем машинист пустил слишком сильный лунный свет, то зачем холщовое небо повисло впереди кулис, а не позади, то, наконец, зачем пальмы выросли на Амагере (Остров — предместье Копенгагена. — Примеч. перев.) кактусы в Тироле, а буки в горах Норвегии?! Как будто это не все равно! И кому нужно думать об этом? Ведь тут идет представление, ну и будь доволен тем, что дают! А то, бывало, ему вдруг покажется, что публика хлопает слишком уж усердно или, наоборот, слишком скупо. «Вот сырые-то дрова, — сейчас же заметит он, — никак не загораются сегодня!» И он оборачивается посмотреть, что за публика собралась сегодня; видит, что люди смеются совсем невпопад, и начинает злиться еще пуще. Так он вечно злился, вечно страдал и был несчастнейшим человеком в мире. Теперь он успокоился в могиле.

А вот здесь погребен счастливец, то есть очень знатный господин высокого происхождения — в этом-то и было все его счастье, иначе бы из него никогда ничего не вышло! Да, просто приятно подумать, как премудро устроено все на белом свете! Платье он носил расшитое золотом и спереди и сзади, и употреблялся только для парада, как дорогая, вышитая жемчугом полоска,

прикрывающая прочный шнурок звонка; за ним тоже скрывался прочный шнурок — помощник его, который, собственно, и нес службу, да продолжает нести ее и теперь за другую вышитую полоску. Премудро устроено все на белом свете! Как же тут впасть в меланхолию!

Здесь схоронен… да, печальная это история! Здесь схоронен человек, который шестьдесят семь лет все придумывал красное словцо, только для того и жил; когда же наконец ему действительно удалось придумать такое словцо, не пережил своего счастья, умер от радости! Так его словцо и пропало задаром, никто и не услышал его! Могу себе представить, как мучает оно его даже в могиле! Как же! Подумайте только, вдруг словцо-то было такого рода, что его следовало пустить в ход именно за завтраком, а покойник, как и все мертвецы, имеет, по общему поверью, право выходить из могилы лишь в полночь! Куда ж ему деваться со своим словцом?! Скажи он его не вовремя — оно ведь не произведет никакого впечатления, никого и не рассмешит даже! Так бедняку и приходится схорониться вместе со своим словцом в могиле. Да, печальная история!

Тут погребена одна скупая-прескупая дама. При жизни она вставала по ночам и мяукала, чтобы соседи подумали, будто она держит кошку, — вот какая была скупая!

Здесь покоится одна барышня из хорошего семейства; она вечно доставляла обществу удовольствие своим пением и пела обыкновенно: «Mimanca la voce». Правдивее этого она ничего не сказала во всю свою жизнь!

А вот здесь схоронена девица иного рода. Известно, что, когда канарейка, обитающая в сердце, начинает свистать вовсю, разум затыкает себе уши, и вот душа-девица очутилась в положении, присвоенном одним замужним! История печальная, но весьма обыкновенная. Пусть, однако, покоится с миром, не будем тревожить мертвых!

Тут лежит вдова; на устах у нее щебетали малиновки, а в сердце завывала сова. Она ежедневно отправлялась на добычу, выслеживая недостатки знакомых, как в старину выслеживал, бывало, «Друг полиции» (Газета, некогда выходившая в Копенгагене. — Примеч. перев.) неисправных домовладельцев, перед домами которых не было установленных мостиков через водосточные канавки.

А вот семейная могила. Между членами этой семьи царило такое трогательное единодушие, что если даже весь свет и газета их говорили так, а маленький сынишка приходил из школы и говорил: «А я слыхал иначе», то он один и был прав, ведь он был членом семьи. Да случись даже, что дворовый их

петух запел бы свое утреннее «кукареку» в полночь — значит, и было утро, что там ни говори все ночные сторожа и все городские часы вместе!

Великий Гете заканчивает историю своего Фауста словами: «Продолжение может последовать»; то же могу я сказать и о нашей прогулке по кладбищу. Я часто прихожу сюда. И случись, что кто-либо из моих друзей или недругов уж очень досадит мне, я иду сюда, выбираю местечко под зеленым дерном и отвожу его ему или ей, то есть тому, кого хочу похоронить, а затем и в самом деле хороню их. Вот они и лежат тут мертвые, бессильные, пока не встанут вновь обновленными и лучшими людьми. Я записываю всю их жизнь и деяния — как я их вижу и понимаю — в мою «могильную книжку». Вот как следовало бы поступать и всем: не сердиться, когда кто-нибудь насолит им, а сейчас же хоронить обидчиков, но ни за что не изменять своему веселому нраву да «Листку объявлений»: в нем пишет сама публика, хоть иногда ее рукою и водят при этом другие!

Итак, когда придет время, что и повесть моей жизни переплетут в могилу, пусть на ней напишут:

Вот она, повесть моей жизни!